

Какая же Академия нужна в России?

Д. И. Менделеев

<1>

Оттого ли, что в современной Академии собралось много иностранцев, чуждых России, или же русских, не знающих её, оттого ли, что принципы императорской Академии взяли верх над началами русской Академии, или оттого, что изменились сейчас условия времени, — во всяком случае несомненно, что в том виде, в каком ныне существует Академия наук в Петербурге, она не имеет никакого значения не только для мирового развития науки, не только для интересов России, но даже и просто для того кружка лиц, который держится близ этого учреждения, когда-то славного и сделавшего немало как для развития знаний вообще, так и для изучения страны, в которой пришлось действовать этому кружку учёных.

Отчего это сделалось, как и в чём это выражается, я об этом вовсе не желаю говорить не только потому, что изложение подобного предмета всегда неизбежно повлечёт за собой рассмотрение личных интересов ныне действующих людей, чего мне бы не хотелось вовсе делать, но ещё в особенности и потому, что изложение недостатков чего-либо, по моему мнению, никогда и нигде не приносило того значения и того объяснения, какое может принести хотя бы и не вполне созревшее, положительное мнение о том, чем же и как можно заменить ныне несовершенное. А потому я прошу стать на следующую точку зрения.

Допустим, что нынешняя Академия наук переделывается, её начала изменяются. Это, конечно, будет сопряжено с некоторыми переменами личностей. Но не личностей будем касаться, а будем смотреть на институт Академии как на учреждение коллективное, нужное для государства, как на почти безличное собрание высших представителей науки в России.

По мысли Петра Академия в Петербурге должна была быть не чем иным, как академия в Голландии, то есть собранием учёных, занятых разработкой науки, с одной стороны, но и обязанной профессурой, в частности, в России обязанной обучать первых тогда особенно нужных учителей и техников.

В Голландии и ныне называют университеты академиями. Надо думать, что Пётр основывал вовсе не академию в смысле академии парижской, а академию в смысле академии голландской, то есть университет. Нельзя было иначе сделать, как пригласить для этого иностранных учёных. Надобность в этом длилась, можно сказать, до времени, памятного ещё многим ныне действующим и живущим.

Когда в 50-х годах мне самому пришлось быть в Петербурге студентом Педагогического института, в нём лучшие профессора были академики. Брандт читал при этом нам зоологию, отчасти по-латыни, отчасти по переведённым с латинского его запискам; Рупрехт читал ботанику по-латыни, а потом как славянин научился скоро по-русски и излагал уже предмет этот на русском языке; Купфер и до конца своего профессорства излагал лекции в Педагогическом институте на французском языке. У нас же учили Остроградский, Устрялов и другие академики, большинство которых тогда было иностранцы, русских учёных было немного, а те, которые были, — в Академии не находились, чему достаточное доказательство видим в том, что и Карамзин членом Академии не был. В настоящее время эта функция Академии совершенно истощена, то есть в настоящее время иностранные академики профессорами не делаются, и как не умели приехавшие говорить по-русски, так и остаются до сих пор, потому что нет никакой для них причины научиться русскому языку и приблизиться к интересам России.

Высшая педагогическая деятельность, бывшая в уме Петра первою обязанностью академика, составлявшая долгое время действительно крупную сторону деятельности академиков прекратилась совершенно по той причине, что делу, можно сказать, поневоле из его первоначального положения придали новое, до тех пор не бывшее положение.

Представим себе, что академики - как это и в самом деле было - хорошо учили русских. Ведь они должны были их научить, они должны были родить потомство русских учёных, и педагогической деятельностью тогда должны были заняться по преимуществу природные русские, потому что отдать высшее образование в обширной стране иностранцам, конечно, не было ни в мыслях венценосного Учредителя Академии, ни в целях всего учреждения.

Вот теперь и находимся мы в том положении, когда это сделать могли, благодаря в особенности усилиям тридцатых годов, приложенным к педагогическому делу графом Уваровым, который особенно неустанно хлопотал о науке и достиг в самом деле того, что высшие учебные учреждения в России стали переходить из немецких рук в руки русских. Так, например, во всех специальностях, которые мне наиболее близки, дело было за последние десятки лет в следующем положении.

Ещё в тридцатых годах главным профессором химии в Петербурге был, несомненно, Гесс, ему обязаны своим развитием многие русские химики того времени, хотя он только вдохновлял на лекциях, вовсе не хлопотал о практических занятиях в лабораториях, то есть не делая <.> званых для того, чтобы из них вышли немногие избранные. Избранных доставало. Так, например, мой покойный учитель А. А. Воскресенский был ученик Гесса, как он сам неоднократно мне говорил, интересовался много химией, бывши студентом, но практически заниматься этим предметом в лаборатории тогдашней, бывшей в Педагогическом институте, не мог, потому что не было близко руководителя. Так, например, в Казани тридцатых годов химики были немцы, в особенности известен Клаус, не менее памятный в науке, чем Гесс, оба оставившие хорошее имя в этой науке. Там, в Казани, точно так же узнал <.> химии, но ей не научился Зинин. И благодаря тому, что в это время отправляли многих за границу для изучения предметов, Зинин и Воскресенский вернулись из Германии и Франции совершенно готовыми русскими химиками, прошедшими практическую школу науки у первостепенных учёных того времени — у Либиха, Лорана, Тенара, Розе и других.

От Зинина, с одной стороны, Воскресенского, с другой, ведут своё начало все современные русские химики. Русские душой, русские по происхождению, русские по принципам, они ставили первой, главнейшей своей задачей освободить свою Родину от необходимости ходить кланяться иностранцам. Для того чтобы поучиться у них столь живому предмету, как химические знания, они вследствие того не только читали, не только рассказывали сущность науки, они не только делали для химии сами то, что делали пришельцы, возбуждавшие интерес, сами знавшие на самом деле науку и её разработавшие, нет, они умели главное внимание обращать на то, чтобы внушить своим слушателям стремление к необходимости дальнейшего развития науки при помощи своих родных сил, и оттого родили хотя и слабые средствами, но сильные начинанием, хорошей <.> первые лаборатории, откуда вышли самостоятельные, в России научившиеся и в России действовавшие первые русские химики.

Так и в других предметах. Я помню хорошо, когда я был студентом, я слушал отличный курс физики у известного и даже знаменитого академика Ленца, бывшего сперва моим учителем, а потом в университете товарищем. Прекрасное изложение, можно сказать, образованного руководителя, которое доставлял Ленц своим ученикам, памятно, вероятно, и до сих пор многим. Но при этом не надо забывать того, что составляло особенность не его одного, а особенность всех тех, которые, как Ленц, в сущности, были пришельцами в Россию. Я помню, например, следующее. В Педагогическом институте, где мы жили и где у нас прямо возле комнат для занятий были расположены физический кабинет, химическая лаборатория, библиотека и прочее, чем мы могли с величайшим удобством пользоваться, где мы работали с весьма большой охотой, нам были вполне открыты двери почти во всякое время в лабораторию и библиотеку. Но вследствие стремления, весьма понятного, хотелось попасть и работать также в физическом кабинете. Я обратился тогда с просьбой в этом отношении к Ленцу. Он рекомендовал быть на практических занятиях профессора Пчельникова, а тот магнитный инструмент, который я просил для ознакомления и работы, он дать отказался вследствие того, что инструмент, постоянно стоявший в соседней комнате в шкапу, был ценный, и, по словам Ленца, я легко мог его испортить вследствие незнакомства с ним.

Так нам и не удалось заниматься практической физикой, и нам первоначальной академией был, в сущности, Главный педагогический институт в России.

И в этом отношении Академия цели достигла, русских самостоятельных учёных сделала, и уже в силу этого <сущность> учреждения Академии подлежит затем пересмотру. Надобность эта чувствовалась уже довольно давно. Но здесь случилось то, что случилось в России не по этому одному поводу.

Всякий ведь знает, что русское дворянство есть служилое придворное учреждение, что всякого дворянина обязывали первоначально службой, и через это, так сказать, приобретало своё значение и государственное положение. Затем дворянство было освобождено от службы и осталось дворянством с теми поместьями, которые ему за службу даны.

Так, можно сказать, произошло и с Академией. Призванная к делу педагогическому, к несению обязанностей, она получила права, так сказать, и вознаграждение за обязанности, которые она должна была исполнять. Обязанности кончились, а привилегии остались и даже увеличены.

Но не одна педагогическая обязанность, сперва составлявшая непосредственную и прямую функцию Академии, а потом связанная, по крайней мере исторически, с существованием Академии, составляла её действительное значение по отношению к России.

Первоначальная роль Академии состояла в изучении России как со стороны естественноисторической, так и со стороны географической, исторической и тому подобное. Всякий знает, как много Петербургская Академия сделала в этом отношении для России. Первые <.> научные сведения, первое определение географического положения в России, её растительного и животного царства и так далее были произведены, можно сказать, исключительно Петербургской Академией наук, или непосредственно через её призванных из-за границы членов, или через посредство тех учеников, которых приобрела эта Академия из русских, каковы, например, Лепёхин и другие.

Но эта роль Академии со временем совершенно утратилась, — когда снимают одну основную обязанность, составляющую смысл учреждения, невольно освобождают и от других.

В этом последнем отношении, как и в отношении педагогическом, ещё в недавнем прошлом было иначе, чем теперь. Ещё на нашей памяти главную роль в изучении животного царства России играл покойный академик Брандт, ещё памятно то время, когда для изучения отдалённых краёв Сибири Академия учреждала экспедицию Миддендорфа, ещё свежи те воспоминания, когда Бэр ездил для изучения рыбного промысла на юг России. Теперь этого ничего нет. Теперь, если нужно изучать Ферганскую область, или Кавказ, или какой бы то ни было край России, например Север, обращаются в географическое общество, в общество естествоиспытателей, в университет - словом, куда-нибудь, только не в Академию, по той простой причине, что Академия утратила совершенно то своё начальное значение в этом отношении, какое она сперва имела.

Не только Палласы, но и Миддендорфы и Бэры уже не потребуются в нашей Академии.

Но, может быть, затем остаётся роль чисто абстрактная, помимо, так сказать, этой материальной или, если угодно, реальной пользы. Ведь Академия наук как храм науки назначается для развития непосредственно и передового знания. Ведь и в самом деле такова в своё время была Петербургская Академия с её иностранными членами, между которыми достаточно имени одного Эйлера для того, чтобы сказать о бывшей славе Петербургской Академии в развитии чистого знания.

Но тут, в этом именно отношении, прежде всего и раньше всего сказалась немощность Академии как учреждения чисто русского, потому что достаточно сказать, что один из наиболее знаменитых русских исследователей Пирогов членом Академии наук не был, так же как не был членом Академии наук и Карамзин, как ныне ни Сеченов, ни Боткин не члены Академии.

Для того чтобы уяснить себе, какую же роль должна играть в настоящее и ближайшее будущее время Академия в России, надо, мне кажется, обратить прежде всего внимание на следующее.

1. Как место высшего учёного образования Академия уже не только не может быть, но и совершенно не нужна, потому что современные русские университеты снабжены достаточно обширным рядом избранных лиц, могущих далее развивать начавшееся уже в России учёное дело. Притом Академия одна, а мест и центров для высшего образования, при той степени научного развития и подготовки, которой мы уже достигли в России, нужно много.

Университеты и представляют такие учреждения, в России рассеянные, число которых, по всей вероятности, будет возрастать. Со временем университеты и будут теми местными академиями, каких желал Петр, основатель русской Академии.

Да и не в педагогическом смысле понимается обыкновенно Академия, её роль другая; и её значение совершенно иное в настоящее время уже всюду. Следовательно, отношение педагогической стороны к Академии надо и в дальнейшем рассмотрении совершенно оставить в стороне.

2. Первоначально наука составляла таинство, ею занимались, так сказать, по секрету, например жрецы, и обязанность знающего состояла в том, чтобы знание передать близким членам корпорации, не <разгласить> во всеобщее сведение. Тогда наука пряталась.

От этой эпохи постепенно переходят к тому времени, когда наука перестала быть привилегией немногих. И когда масса наукой вовсе не интересовалась, а под влиянием идей прошлых веков науку почти преследовали (всякий знает из истории этой эпохи развитие науки), тогда наука пряталась опять в известные кружки, но людей вольных, перешедших свободно к её изучению, но державшихся в стороне от массы людей, относившихся к науке неблагоприятно.

Тогда-то правители стран, видевшие пользу от дальнейшего развития науки, можно сказать, понявшие значение наук, стали покровительствовать им, и вот наука приютилась прежде всего в монастырях, потом в известных корпорациях или собраниях учёных, которым покровительствовали меценаты и правители стран.

Монастырская наука была по своему существу в своё время передовой наукой, если не единственной, но всякий знает, что ныне совсем утрачена эта роль монастырей; в одной Италии, да и то только здания монастырские послужили последнее время для развития науки, потому что после изгнания монахов монастыри там в большинстве случаев обращены под учебные коллегии.

Бывши первоначально передовою, монашеская наука со временем сделалась отсталого, а потом и совершенно исчезла. Во время же силы своей она действовала, можно сказать, одновременно с началом развития науки в Академии и университетом.

Монастырь, Академия и университет - вот те последовательные ступени развития науки, которыми характеризуются близкие прошлые века.

Между Академией и университетом, как в своё время между Академией и монастырём, была тесная связь. Местами Академия превратилась в университет или чрезвычайно тесно слилась или связалась, но местами и поныне осталась, с одной стороны, высшим учебным учреждением, подобным нашим университетам, и рядом с ними - Академией.

Если можно так выразиться, то роль монастыря по отношению к науке сперва была прогрессивной, а потом стала консервативной. Такова (последовательно) и роль академий. Будучи первоначально передовыми, академии стали со временем, можно сказать, местом действительного консервирования науки.

Да будет при этом ясно то обстоятельство, что консерватизм в науке совершенно неизбежен, потому что наука по существу есть предание, не мыслимое иначе, как мудрости прошлых веков, и потому без консерватизма передаваться не может.

Но кроме этой роли в России знания, необходимо и дальнейшее движение, то есть значение прогрессивное, которое по отношению к академиям, можно сказать, всюду заняли более молодые и важные университеты, тем более что отношение к массе людей здесь, так сказать, явственнее, чем в академиях.

Академии учредили как корпорации, как цехи в то время, когда нужно было людям, занимающимся известного рода предметами, собираться вместе для того, чтобы сосредоточивать вместе силы. Хотя академии, с одной стороны, имели целью своей развивать науку для общего употребления, но они всегда, так сказать, сторонились народа и более или менее были замкнуты, составляли, так сказать, Олимп науки, с массой никакой прямой связи и отношения не имели.

Не таковы университеты. Их роль прямая — учить, развивать и распространять знание в массах. Следовательно, если перейдём от монастыря через Академию к университету, то последовательное приближение к жизни, к общему распространению знания и науки будет совершенно очевидным.

Моя мысль скажется полней, когда я прибавлю к этому следующее. В самое последнее время, можно сказать, на памяти ещё молодых людей, наука сделала ещё один дальнейший шаг,

она вступила прямо сама по себе в жизнь <.> Почти всякому министерству нужен учёный комитет, заводские Каильте и Пикте. Механики на заводах уже делают замечательные опыты сгущения газов. Пивовар Грис занимается химическими исследованиями с большой тонкостью, так же как и производитель коньяку Лекок де Буабодран.

Прежде бывали аристократы, которые, занимаясь науками, так сказать, снисходили до них или забавлялись наукой, но людей, которые бы соединяли живое дело прямо с чистыми интересами отвлечённого знания, прежде не было, потому что прежде наука не имела того значения и того развития, которое приобрела за последнее время. Так что в недалёком будущем очевидно, что от завода чисто научный интерес перейдёт, можно сказать, всюду туда, где будет преследоваться цель действительно серьёзная.

Вследствие всего этого рождается новая ступень научного развития, следующая за университетом. Так что общий порядок будет такой: монастырь, академия, университет и практические, жизненной потребностью вызванные учреждения.

Из монастыря, бывшего сперва единственным центром науки, наука ушла. За академиями черёд. Прежняя роль академий уничтожена, не против кого воевать, не от кого защищаться, не с кем образовать корпорацию, никто на науку не нападает, никто науки не боится. Жизнь сама зовёт науку, к науке стремятся сейчас, следовательно, такого обособленного учреждения, каковыми в первой своей идее академии были, и нет никакой нужды иметь.

Следовательно, Академия как учреждение закрытое, как корпорация, назначенная, так сказать, для домашнего развития знаний, отжила свой век и предназначена к падению и должна быть заменена какой-то другой.

Так, в Англии, Франции, Италии академии, оставшиеся ещё, переменили свою роль, сделались совсем иными учреждениями и составляют не что иное, как эквивалент нашим, только при государстве состоящим, каким-либо учёным обществам. Вследствие этого мне кажется, что роль Академии как учреждения закрытого для развития науки не отвечает современному положению дела.

3. Так как из-за дела педагогического, из-за дела жизненного, науки требующего, и из прямого интереса к чистому знанию, представляющему здоровую и питательную пищу, к науке в настоящее время идёт совершенно свободно масса людей, то эти люди там, где можно, устроили взаимное общение, учредили то, что называется учёными обществами. Роль и значение их совсем не те, что Академии. Они не имеют ни целью учить, ни целью защищать друг друга, они имеют просто прямою целью взаимное общение и через то — развитие предметов общего их интереса.

В этом последнем отношении в России навек останется памятным царствование покойного государя (Александра II.— Ю. С.) Освобождение крестьян, можно сказать, совпало с освобождением русской науки. Русские учёные во всех концах, по всем специальностям, собрались и продолжают собираться в учёные общества, учредившиеся по частной инициативе и часто исключительно существующие частными средствами своих членов.

Не место здесь развивать этот предмет, достойный весьма большого внимания, история развития русских учёных обществ недолга, но уже ныне чрезвычайно поучительна, и будущему историку этого предмета должно быть ясно, что люди, переживавшие, как мы, эту эпоху, в зарождении учёных обществ в России совершенно ясно слышали и чувствовали необходимую потребность сложиться в общества не для того, чтобы приобрести силы и значение,— наши учёные общества у нас ещё особым значением и не пользуются ни по отношению к обществу, ни по отношению к правительству,— а для того просто, чтобы сложением сил достигнуть более значительной равнодействующей, которая когда-нибудь окажет существенное значение и влияние.

Если мы теперь обратим внимание на то, что научные исследования в России, совершаемые русскими у себя дома, начали положительно интересоваться учёных всего света, то этому чрезвычайно много содействовало развитие и учреждение у нас учёных обществ. Конечно, учёные существовали раньше обществ, потому что иначе бы и обществ не было, но силы учёные развились и укрепились с созданием в центре самобытных учредителей, через сложение этой силы, и будущая Академия наук, действительно русская, должна прежде и ближе всего исходить из этого <.> действительно русского самостоятельного научного развития. Без того чтобы принять во внимание развитие у нас учёных обществ, мне кажется, дальнейшее понимание роли Академии наук просто невозможно. Наука есть дело вольное и совершенно свободное. Такою она и

сложилась в учёных обществах, в значительном количестве уже образовавшихся не только в столицах, но и по всем почти городам России.

4. Если государству нужны учителя, если ему, так сказать, любезны учёные как развиватели и искатели истины, как люди пытливые, годные для наступивших потребностей общества и государства, то этим ещё далеко не исчерпываются и даже не определяются отношения между современным государством и наукой, потому что оба вышеназванных отношения суть по преимуществу отношения общественные, а наука в настоящее время имеет значение и чисто государственное, то есть к прямым государственным потребностям <.....>. Государству на каждом шагу нужно <заботиться> о науке для того, чтобы идти правильно в различных своих мероприятиях. Ни для военного, ни для финансиста, ни для моряка или путейца, заведующего государственными имуществами или тому подобное, нельзя обойтись без совершенно определённого отношения к науке.

Вот эту роль Французская Академия выполняет, и всякое новое дело по всем ведомствам во Франции, так сказать, проходит через цензуру Парижской Академии наук. У нас же для этой цели существуют в каждом министерстве свои учёные комитеты. Во-первых, это дорого, во-вторых, это неудовлетворительно, а потому если должно признать связь между наукой и государством, то эту связь надо ближе всего искать в той функции академий, которую они в прежнем своем типе совершенно не имели, которую в настоящее время поневоле, так или иначе, высшая наука, нуждающаяся в помощи государства, должна нести.

Отсюда вывод следующий. Устранив от академий обязанности педагогические и обязанности в кабинете разрабатывать науку, потому что на эти обязанности и без того достаточно людей, за Академией останутся двоякие обязанности: во-первых, центрального учёного общества, которое было бы действительно центром действительных научных сил страны, во-вторых, центрального учёного комитета, в распоряжение которого должны перейти и предприятия практического государственного значения, ныне рассеянные по разнообразным, так сказать, мелким учёным комитетам.

Вот такая Академия в действительности государству нужна, она может быть одна, и её роль и значение могут быть немаловажными.

Исходя из этого общего начала я далее и постараюсь развить некоторые частности в том виде, какими они представляются в настоящее время в моём уме.

<2>

Состав Академии, действительно русской и действительно составляющей центральное высшее учёное учреждение России, может и должен пополняться не только лицами, живущими и находящимися в Петербурге, но и лицами, действующими где бы то ни было в России, подобно тому как членами любого учёного общества, хотя бы, например, Берлинского химического общества, бывают лица, не только живущие в Берлине и в других частях Германии, а также и в других странах.

Мне кажется, что сравнительно большое число членов необходимо для современной Академии наук не только по той причине, что время движения науки усилиями единичных лиц заменилось таким, в котором общие усилия многих превосходят по результату усилия даже так называемых гениальных людей, и ещё потому необходимо в современном высшем учёном учреждении иметь большое число лиц, что количество специальностей прибавляется, можно сказать, каждый десяток лет, так что раз определённый комплект академиков на известные специальности был бы неудовлетворителен через небольшое число десятков лет.

Мне кажется, никакой нет нужды в том, чтобы это сравнительно большое число лиц, образующих высшее учёное учреждение в России, получало жалованье. В учёных обществах платят члены за право участвовать и для составления фонда, необходимого для ведения дел общества. В высшем государственном учёном учреждении, конечно, плата немыслима, да и не нужна от членов общества, потому что такое высшее учёное учреждение нужно и полезно государству, и, следовательно, государство должно на него само израсходоваться, не то чтобы требовать с участников какой-либо платы.

Мне кажется, что все академики, рассеянные по России, не должны друг от друга отличаться ни в каких правах и обязанностях, все суть члены и представители высшего учёного учреждения в России, многие учёные дела могут решаться через сношения письмами, по телеграфу, словом, в отсутствие лица, и, следовательно, член Академии может быть далеко от резиденции Академии. Отсутствуя в столице, каждый член, конечно, приобретает все те права и все те льготы сословия, какие имеют лица, сами пребывающие всегда в столице, не так, как ныне.

Ныне может академиком быть только лицо, находящееся в Петербурге, посещающее лично заседания Академии, словом, лицо, находящееся в столице и, очевидно, следовательно, оторванное от действительной русской жизни со всем её разнообразием. Это, кажется, впредь не должно было бы продолжаться, потому что это ненормально, ибо высшее учёное собрание не есть учреждение, так сказать, столичное, а есть учреждение народное, требуемое народными интересами.

Мне кажется затем, что комплекты академиков особыми прерогативами, то есть жалованьем, квартирами и тому подобное не пользующиеся, а представляющие своим собранием высшие научные силы России, могут восполняться тремя путями: во-первых, избранием в отделения самой Академии, во-вторых, избранием в одном из русских университетов — конечно, считая в том числе и Санкт-Петербургский, Варшавский и Дерптский университеты, а также <в> других высших учебных заведениях; это потому, что университеты по самому существу дела должны доставлять наибольший контингент выдающихся учёных сил. В-третьих, учёным обществам России, если не всем, то по крайней мере определённым, большим или меньшим значением уже пользующимся, должно предоставить, мне кажется, также право выставлять своих кандидатов в Академию, в особенности потому, что некоторые местные и специальные интересы выдвигают часто таких лиц, на которых, помимо местных учёных учреждений, может быть, не скоро будет обращено надлежащее внимание, а желательно, чтобы высшим учёным учреждением России не было пропущено ни одного из выдающихся в каждом уголке России научных деятелей.

Лица, представленные одним из этих трёх способов, избираются затем в общем собрании Академии и только тогда приобретают звание академика. Такой способ выбора гарантирует присутствие в Академии всех наибольших научных сил страны.

Очевидно, что критерием для избрания должны служить одни чисто научные заслуги, а так как наука прежде всего есть дело не кабинетное и частное, а общественное и публичное, то непременным условием присутствия в Академии должны служить труды, так сказать, публичные, то есть или опубликованные, или публичному суду подлежащие, то есть доступные всеобщей оценке и могущие служить на пользу всем и каждому.

Инженер, построивший мост или железную дорогу особенно хорошо, сообразно и современно, в особенности же такой, который при этом применил новые приёмы, им изобретённые, хотя бы тогда и не единственные, но уже рационально выполненные, может быть членом Академии и будет полезным участником в ней не меньше другого кабинетного учёного, напечатавшего ряд научных исследований.

Для того чтобы уяснить затем отношение Академии к стране и к развитию в ней науки, а также и к абстрактному развитию научных знаний, надо поглядеть на содержание занятий, сосредоточивающихся в Академии. Эти предметы занятия Академии составят её вольное дело. В ней не будет входящих и исходящих бумаг, а должны рассматриваться современные научные вопросы, и не только в их абстрактном учёном значении, но и в том прикладном, какое наука имеет по отношению к России, к вопросам общественным и государственным. В этом смысле Академия наук прежде всего есть центральное учёное общество России, то есть место высшей учёной деятельности в России. А так как для учёной деятельности нужны библиотеки, лаборатории, обсерватории и тому подобное, то Академия наук прежде всего есть место, в котором сосредоточивается управление такими высшими научными пособиями, без которых развитие науки немислимо. Существует, например, центральный русский музей зоологических предметов. Такой музей скелетов составлен преимущественно трудами академика Брандта при Академии наук. Учреждение это, очевидно, должно иметь совершенно самостоятельное существование, то есть должно иметь директора, консерваторов и так далее лиц, которые, очевидно, должны быть лицами науки, но могут не быть вовсе академиками. Можно себе представить, как это в самом деле встречается в действительности, отличного наблюдателя,

отличного организатора наблюдений, но человека, мало сделавшего для дальнейшего движения науки, так сказать, хорошего коллектора, но не, больше, а потому отдельные учреждения, при Академии состоящие, должны бы ввести особых учёных, которые назначаются по выбору Академии, но которые могут не быть в непосредственном её заведовании. Директор Пулковской обсерватории, конечно, имеет ряд непосредственных постоянных обязанностей, так же как и директор метеорологической обсерватории, или директор Ботанического сада, или директор химической лаборатории, а потому будет получать жалованье, будет ли он академик или не будет, у него есть обязанности, требуемые государством, а потому государство ему за их выполнение должно заплатить.

Отношение Академии ко всем учреждениям, при ней состоящим, должно состоять преимущественно в избрании соответственных лиц, так сказать, в общем присмотре за делом, но не в постоянном вмешательстве в ход дела в каждом учреждении, потому что научное дело требует особого искусства и, так сказать, коллегиально или коллективными силами делаться не может.

Как высшее учёное учреждение России, Академия наук, конечно, должна иметь свои органы печати для публикации научных открытий, Академии сообщённых. В Академию будут стремиться с результатами научных исследований не только потому, что Академия будет включать в себя лучших представителей научных сил России, но и потому, что Академия будет иметь средства публиковать эти научные труды, из которых многие и часто не могут быть вследствие дороговизны издания опубликованы отдельными учёными обществами России. Например, недавно профессор Иностранцев не мог опубликовать отчёта о своих исследованиях над найденными им остатками человека каменного века по той причине, что такого рода публикация должна была стоить тысячи, которых не было в распоряжении ни университета, ни у обществ естествоиспытателей, при университетах состоящих. Благодаря вниманию министра народного просвещения сумма была достаточная, но это ненормальное отношение, на публикацию научных трудов суммы должны быть всегда в достаточном количестве, иначе будет задержка учёного дела в России. У нашей Академии находится достаточно средств, десятками тысяч определяемых для публикации санскритско-немецкого словаря, но не имеется достаточно средств для публикации научных трудов русских учёных обществ.

При этой публикации надо, как это и делается, например, в Парижской Академии, отличить две градации в качестве публикуемых исследований. Некоторые сообщения могут быть опубликованы, так сказать, без контроля, без малейшей доли ответственности со стороны Академии, хотя, конечно, Французская Академия не станет публиковать в своих трудах проект *regretium mobile*. Но не всё то, что в отчётах Парижской Академии публикуется, лежит на ответственности этой академии.

Другой род исследований, проверенный академиками, будет представлять, конечно, большую степень доверия <...>, и от воли Академии будет зависеть, к тому или другому отделу отнести данную работу, представленную в Академию.

Конечно, если работа обширная, если её публикация требует больших средств и представляет значительный интерес, Академия не преминет убедиться и в большей или меньшей <справедливости> представляемого отчёта Академии для публикации.

Издания Академии, конечно, должны быть на русском языке, потому что цель Академии есть, конечно, развитие самой науки, но по преимуществу в России и по преимуществу для России, и следовательно, на коренном языке страны.

Само собою разумеется, что публикуемое на русском языке нельзя будет читать многим французам, немцам и так дальше, но ведь и публикуемое на шведском, венгерском, итальянском, голландском, испанском, а также английском не всем доступно. Нельзя же делать научную публикацию для другой страны, не делая прежде всего для своей. При этом опыт последних двадцати лет показывает, что те исследования, опубликованные на русском языке, которыми иностранцы интересуются <.> рефератами, достаточными для их сведения, переводятся на иностранный язык или подробно реферируются.

Мне кажется даже, что было бы полезно при Академии наук издавать ежегодный краткий отчёт об успехах развития всех отраслей знания в России и с приложением краткого перечня трудов, появившихся на русском языке в течение года по каждому предмету. И если такие

ежегодные краткие отчёты и, так сказать, каталоги или рефераты будут печататься не только на русском, но и на французском языке, можно быть уверенным, что всё существенное и необходимейшее будет узно иностранцами в подлинности, хотя бы было опубликовано только на русском языке, и будет достигнуто много выгоды, которую напрасно здесь было бы и рассматривать. Укажу только на тот пример, что “Журнал Русского физико-химического общества” в настоящее время имеется уже во многих учёных учреждениях Западной Европы, в особенности благодаря тем коротким отчётам о заседаниях физического, химического отделов этого общества, которые и появляются вот уже несколько лет постоянно на страницах специальных журналов в Англии, Германии и Франции.

Дело публикации разбора новейших научных исследований есть, конечно, одно из главных дел Академии. Конечно, академики сами будут доставлять важнейшие и наиболее интересные материалы для этой деятельности Академии. Но если бы Академия, как это ныне уже и завелось, ограничилась этим одним, то можно сказать, она совершенно излишня, деньги, которых она бы стоила, лучше было бы прямо раздать учёным обществам в России, уже учреждённым, и не учреждать для этой цели особого высшего и общего учёного учреждения. Оно нужно, мне кажется, по той причине, что разрозненные силы учёных обществ слабы для того, чтобы самим что-либо предпринять в более крупных размерах, а научные исследования в крупных размерах в России постоянно, можно сказать, и на каждом шагу необходимы. Государство при этом поддерживает такие общества, как географическое, значительными субсидиями. Но в том-то и дело, что один чисто географический интерес, конечно, гораздо уже того общего научного интереса, который может сосредоточиться в Академии наук. И вот этого-то рода дела, прямо науки и России касающиеся, составят, конечно, одно из важнейших содержаний, занимающих внимание Академии. Для того, чтобы их исполнять, для того, чтобы учреждать экспедиции для исследования тех или других научных вопросов, для того, чтобы, например, исследовать нефтяное дело, ставшее в России на очередь, или для того, чтобы разобраться с вопросами о каменных углях, или золотых приисках, или о ходе железного дела у нас, необходимо снаряжение особых экспедиций с крупными научными силами во главе и с необходимостью удовлетворить разнообразным современным требованиям.

Для того чтобы всё это выполнять, Академия должна иметь средства не только самой делать подобные исследования, но и помогать в этом отношении другим учёным обществам. Прямым и, так сказать, непосредственным сношением данного учёного общества с верховной властью или известным министерством не должны бы, кажется, отпускаться какие-нибудь государственные средства для учёных исследований, потому что центральные государственные учреждения, очевидно, гораздо менее компетентны в выборе предметов, настоятельно необходимых для научного исследования, чем центральное учёное учреждение, и оказывается, средства эти, что на некоторые предметы отпускаются с достаточностью, на другие и то, что на очереди, вовсе не отпускаются, или потому, что нет лиц, достаточно близких к высокопоставленным лицам, для запроса нужных для исследования средств, или просто одни представления выпадают в то время, когда щедро даются пособия для научных исследований, а другие — в то время, когда принципы государственной экономии соблюдаются более строгим образом.

Особенно вредными мне кажутся те мелкие субсидии, которые, ничего крупного не делая, можно сказать, даром расходуют государственные средства. Если все эти средства собрать в одном учреждении, в котором будет обсуждаться, что в данное время нужней и что менее нужно, то я думаю, что результат получится во всех отношениях более полезный, чем при современном порядке дела.

Новые открытия и новые исследования, также как и постоянное ведение ряда наблюдений и исследований по учреждениям, сосредоточенным около Академии, обнимая собою интересы абстрактные, представляя, так сказать, косвенную пользу государству, не дают, однако, того, что при современном положении дел государство вправе требовать от науки и что эта последняя оказывает своему государству. Государству нужно в данное время знать ответы науки на множество вопросов. Академия наук должна это удовлетворить. Для этой цели она и должна заключать в себе лучших специалистов, так сказать, по всем отраслям человеческого знания.

Если бы вопрос о сопротивлении “поповки” [Особый тип судов береговой обороны, построенных в начале 1870-х годов на Чёрном море по предложению адмирала А. А. Попова] был

передан из Адмиралтейства не в Канцелярию закрытой Академии, а на открытое обсуждение и исследование Академии наук, то, вероятно, избежалась бы немалая трата денег и достиглась бы возможность обсуждать вопросы государственной важности, так сказать в строгой научной форме. Достаточно при этом указать на то, что морское ведомство модели новостроящихся судов отправляло для испытания и исследования в Англию, Голландию, к Фруду и Тидеману, конечно, потому, что у нас не было достаточно компетентного учреждения и достаточных средств для того, чтобы испытать сопротивление моделей. На исследованиях этого рода ведь и основываются решения, относящиеся к постройке кораблей. Так и во множестве других отношений.

Например, сию минуту рассматривается вопрос относительно перемола зерна для всей русской армии, потому что при покупке муки часто попадалась хлебная спорынья, и теперь приходится собирать, можно сказать, всех ведомств <.> членом для обсуждения вопроса чрезвычайной важности. Без особых слов можно сказать – чрезвычайные лица должны решать вопросы громадной экономической и гигиенической важности. Это дело, очевидно, должно принадлежать Академии как центральному учреждению. Она должна иметь средства для того, чтобы подобного рода вопросы решать с положительностью.

Мне кажется даже, хотя я и не желал бы входить в эту сторону предмета, что многие учёные комитеты, почти при всех министерствах находящиеся, могли бы быть закрыты или заменены особого рода отделениями, гораздо более дешёвыми, чем учёные комитеты, если бы существенные научные вопросы этих учёных комитетов отдавались на рассмотрение Академии наук. Через такое закрытие учёных комитетов, во-первых, уничтожится множество несомненно существующих при этих комитетах настоящих синекур и освободятся средства для содержания Академии, так что в целом получится большая экономия и лучшее выполнение цели.

При этом я считаю необходимым оговорить следующее обстоятельство.

По моей мысли, академики жалованье не получают, участвуют все одинаково в решении по делам, касающимся научных интересов. Но когда на данного академика Академия наук возложит известного рода обязанность, которая непременно должна быть этим академиком исполнена, и если эта обязанность будет в интересах или чисто государственных, например специальные государственные потребности, или в чисто научных потребностях, но таких, которые Академия будет считать необходимыми к выполнению, тогда этот академик и лица, около него находящиеся для исследований, могут получить, и получают, вознаграждение по мере тех средств, которые будут иметься в распоряжении Академии. Тогда придёт так, что за работу будет уплачено, как это делается в жизни, и что должно считать правильным. Академия не будет своего рода синекурой и пенсией за службу науке, она будет центральным учёным учреждением.

Для того чтобы выполнять с успехом такой разнообразный и многочисленный род занятий, Академия должна, очевидно, подразделяться по специальностям, конечно, не на отделы большой мелкости, на крупные единицы, подобные тем отделениям, которые ныне имеются в Академии. Но в современной Академии опущены все практические или прикладные отделы знаний, хотя есть технологи, так сказать, номинально только, место технолога занимали Якоби и Зинин, можно сказать, технологией тогда не занимавшиеся. В желаемой же русской Академии эти практические отделы должны занять соответствующее место между другими отделами науки. О необходимости развития их можно судить уже по тому, что одних медицинских учёных обществ наибольшее количество в России против всех других обществ. Сельскохозяйственные и технические общества затем занимают крупное место в ряду других, где наука спрашивается и предлагается. Медицина, технология, сельское хозяйство, составляя прикладные отделы знания, однако, не должны быть оторваны от класса физико-математических наук, как они и не отрываются от него всюду.

Этот класс знаний занимает ныне, так сказать, первенствующее место в Академии. Конечно, всё тем же положение остаётся и в будущей Академии не по какой-либо чрезвычайной причине, а просто потому, что предметы этого рода наиболее охотно изучаются в России, представителей этого рода наук наиболее в России, методы науки наиболее современны, в них, так сказать, современные интересы сосредоточиваются; притом они ближе всего к реальности, ближе всего могут помочь в том положении, в котором иногда является такая страна, как Россия.

Физико-математическое отделение для своих постоянных, можно сказать, текущих занятий, конечно, должно бы иметь большое число заседаний, и так как многие вопросы, очевидно, окажутся весьма сложными, придёт часто возвращаться к их разбору, то, вероятно, придёт это

отделение подразделить. Но мне кажется, что это дело частное, дальнейших подробностей, не может совсем входить в предмет такой общей статьи, какую мне бы хотелось здесь привести.

Второе отделение Академии, как нынче, может быть посвящено исключительно языку и словесности России, а также и общеславянским филологическим предметам, равно как и истории, словом, будет отвечать историко-филологическому факультету университетов. На этом отделении и должны сосредоточиться те лексикологические исследования, в которых так нуждается до сих пор ещё русский язык и которые выполнить нельзя никому иному, как Академии наук.

Науки исторические в общем их составе, равно как и филология общая, войдут, конечно, в это же отделение, никакого нет ни повода, ни основания отделять для этих последних наук особый отдел Академии.

Третье крупное отделение Академии могут составить науки политические, юридические, экономические, и в этом отделении государственные учреждения часто будут искать, вероятно, разрешения некоторых вопросов экономического свойства государственного значения, как, например, по отношению к статистике, финансам, пошлинам и так далее.

Работа Академии будет состоять, считая высказываемое выше, из деятельности специально научной, так сказать, в интересе личных мыслей исследователя, и работы этого рода, конечно, составят главное основание того значения, которое Академия получит как внутри страны, так и во всемирном интересе науки.

Дело это во всяком случае будет индивидуальное. Но и здесь роль Академии может выступить в том отношении, что некоторым занятиям академиков по специальным вопросам Академия будет придавать большее значение, например, доставляя средства для проведения опытов или исследований, позволяя употреблять помощников, институции, при Академии находящиеся, и так далее, словом, над теми исследованиями, которые Академия будет считать наиболее важными, она будет покровительствовать в размерах своих средств.

Но такого рода исследования тогда только будут, можно сказать, беспристрастными, правильными, хорошо ведены, когда причиной их возбуждения будет служить внутренний, индивидуальный, личный интерес, а потому сами по себе исследования этого рода не должны быть никоим образом вознаграждаемы, то есть академик работающий и академик не работающий для науки — одинаково от Академии ничего, кроме самого маленького вознаграждения за присутствие на заседаниях, или за исполнение соответственных поручений Академии, не будет получать. Научное дело должно при этом приобрести, так или иначе, поневоле, оттенок живой и надлежащий. Если бы государство стало оплачивать какие-нибудь санскритские исследования, то, можно сказать, это было бы совершенно непростительною роскошью, потому что и на исследования насущной надобности часто недостаёт средств.

Кроме этого, так сказать, индивидуально-научного дела, у академиков будут по отношению к Академии два рода дел, носящих уже общественный характер, а потому долженствующих быть вознаграждёнными, но только не по правоспособности, но по мере выполнения дела, то есть не каждый академик будет получать вознаграждение этого рода, но только тот, который будет участвовать действительно в выполнении тех требований, для которых Академия учреждается. Эти требования суть обсуждение на заседаниях предметов, рассмотрению назначенных, и затем решение вопросов, предлагаемых специально известному академику.

За каждое заседание во многих академиях заведено выдавать жетоны, у нас в Академии в настоящее время на двух отделениях, на физико-математическом и историческом, академики получают жалованье, на отделении русского языка получают жетоны на заседания. Так или вроде этого существует правило или обычай и во многих других академиях. Обычай этот и прост и целесообразен. Присутствие академика данной специальности делает уже невозможными некоторые отступления от современной научной истины, следовательно, само по себе может быть полезным по той причине, что в заседании Академии могут являться вопросы всяких специальностей. Но для того чтобы академические заседания не превратились в некоторого рода канцелярщину, неизбежно необходимо, как это и водится в большинстве академий, чтобы заседания были публичные, то есть чтобы в заседания Академии и академических отделений могли входить посторонние лица. Конечно, число допускаемых лиц не может быть велико, потому что дело будет делаться, так сказать, полу-домашним образом и, следовательно, для большой массы публики не будет возможности принять участие в ходе дел заседания, например видеть тот

опыт, который производится, или слышать даже доклад, который ведётся, но тем не менее публика должна иметь доступ в Академию. Да не будет и большого числа желающих. Но желающие всегда будут. Между желающими будут, конечно, именно те по преимуществу, которые интересуются или вообще ходом науки, или, в частности, известными докладами в Академии в данное время или в данном заседании разбираемыми.

Эти посторонние лица сделают, так сказать, наилучший контроль правильности ведения дел в Академии. Без влияния этой публичности заседаний нельзя не бояться больших злоупотреблений в Академии, не ждать превращения академических заседаний в канцелярии, что всегда возможно, когда заседания будут совершенно закрытыми.

Все дела чисто научного характера должны быть докладываемы, рассматриваемы и разрешаемы именно в этих публичных заседаниях, потому что наука не может быть ни коим образом тайною и по существу своему есть дело публичное, иначе она не наука. Дела же, касающиеся экономической стороны академических занятий, а также, в частности, и некоторых вопросов, так сказать, домашнего обихода Академии, могут быть производимы по отделениям и без присутствия публики, то есть после конца заседания, как это водится, например, в Парижской Академии: открывается вместо публичного заседания из тех же членов Академии так называемый секретный комитет, то есть домашнее при закрытых дверях заседание, обсуждающее частные интересы заведения.

Общее заседание всех отделений или общие заседания Академии должны назначаться, во-первых, для выбора академиков в правления или отделения или высших учебных заведений, или учёных обществ, затем для выслушивания докладов и для постановления решений, касающихся вопросов государственной важности, или ответов от учёного учреждения к государственному учреждению.

Вопросы этого рода, я думаю, будут разбираться чрезвычайно часто, если в Академии будет большое развитие специальностей и в особенности если Академия заменит собой многие из множества ныне существующих учёных комитетов.

Таким образом, у академика, кроме его, так сказать, личных научных дел и интересов, будут интересы заседаний академических, когда академик может принять по мере сил участие в решении дел, подлежащих обсуждению.

Затем отделение или общее собрание Академии может поручать известному академику или известной группе академиков решение определённых частных практических вопросов из числа тех, которые возбуждятся в Академии по нашей, так сказать, инициативе, то есть по вопросам, адресованным к Академии от различных ведомств и учреждений. Некоторые из вопросов, сюда относящихся, потребуют, быть может, обширного труда, но во всяком случае, как бы ни мал был труд, как бы ни краток был ответ, если только он не может быть совершён прямым ответом, сделанным в заседании, академик или сумма академиков, которым Академия или отделение поручили рассмотреть известные вопросы, должны быть, конечно, вознаграждены за тот труд, который для общественной надобности они сделали.

Решение, доставленное известным академиком, публично будет доложено в заседании Академии, пройдёт через контроль других академиков и, можно сказать, подвергнется контролю общественного внимания, которое обратится к Академии, когда в ней будут разбираться научные вопросы государственного и общественного значения.

От этого контроля с разных сторон нельзя возбудить практических решений на научных основаниях, если они исходят и из высшего учёного учреждения, потому что государственные и общественные вопросы практического значения редко настолько специализированны, чтобы могли решаться абсолютно точно, и требуют обыкновенно принятия во внимание множества сторон, анализу прямо не подлежащих, например, обычаи страны, законоположения, экономические условия и тому подобное. Притом контроль полезен ещё и прямо ввиду того возможного пристрастия, которое возможно даже и в среде чисто научной, как показывает опыт с давних времён.

Включая в себя всех научных деятелей данной эпохи, предполагаемая Академия наук может в данную эпоху нуждаться в специалистах по известным отраслям знаний, например по некоторым новым областям, ещё не имеющим представителей в России, или же Академия может видеть недостаточность числа специалистов с надлежащей научной подготовкой в известной

области знания. Тогда для возмещения этого недостатка Академия должна иметь средства отправлять молодых людей или специалистов близкой специальности за границу для обучения известным отраслям нового знания.

Таким образом Академия будет всегда стоять на страже научного движения России, посланные ею молодые учёные могут быть <.> то есть могут сделаться специалистами по избранному предмету или могут быть по крайней мере полезными...

Для того чтобы связь между Академией и учёными обществами России была как можно более тесна и плодотворна, мне кажется, необходимо не только назначить, как упомянуто выше, особые средства, которые бы Академия распределяла между учёными обществами России...

Составляя высшее учёное учреждение России, Академия наук должна иметь исключительные права такого рода, какими в цивилизованной стране должна пользоваться наука. В числе таких прав, мне кажется, должно быть на первом месте право непосредственного ходатайства и представления своих обсуждённых в общих заседаниях предложений от Академии как к высочайшей власти, так и к высшим государственным учреждениям...

Примечание профессора В. С. Мейлаха. Особенности стенографической записи статьи Менделеева не позволили разобрать при расшифровке некоторые слова. Такие места обозначены в публикации отточиями, заключёнными в угловые скобки. Отточия внутри скобок даны по числу не разобранных слов. В такие же скобки заключены и так называемые “конъектуры” - предположительно прочитанные слова.

Примечание редакции журнала “Русская Мысль” и “ЖРФМ”

Данная статья Д. И. Менделеева “Какая же Академия нужна в России?”, продиктованная им в 1882 году, – до сих пор остаётся библиографическая редкость! Причина банальна: эта статья была, и есть до сих пор, – кость в горле российской академической науке, будь то императорские времена столетней давности, советские приснопамятные времена или нынешние времена тотального безпредела. Российская академическая фирма меняла название, приспособляясь под тот или иной режим в стране. Для неё – Менделеев всегда был (и продолжает быть до сего дня!) персоной «нон грата», чудаком-химиком, который любил в редкие минуты своего свободного времени мастерить чемоданы. До сих пор в академических кругах его презрительно называют, – “чемоданных дел мастер”. Сколько в этом ненависти к великому русскому учёному, посмевавшему критиковать и поучать российский филиал всемирного академического братства вольных каменщиков!

План коренной реорганизации Академии наук Российской империи, систематическим образом изложенный в данной работе Д.И. Менделеева, остаётся до сих пор невыполненным в существенной своей части. Фактически речь идёт о прямом саботаже академиков. До сих пор.

Нынешняя Академия наук РФ, учреждённая Б.Н. Ельциным 5 октября 1993 года его первым (!) указом сразу после расстрела Верховной власти Страны, покоится, таким образом, на святой, тёплой крови невинных мучеников. - Закономерный финал многолетней, антинародной преступной деятельности российской корпорации «придворных звездочётов».

Данная фундаментальная работа Почётного президента Русского Физического Общества - Дмитрия Ивановича Менделеева - фактически - ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ преступной академической корпорации России на предстоящем Международном трибунале.

Председатель Русского Физического Общества,
главный редактор журнала «Русская Мысль» и «ЖРФМ» - Родионов Владимир Геннадьевич

Москва, 1994 г.

